

ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ: ДИЛЕММЫ ВЛАСТИ

Виктор БУДКИН

*доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института мировой экономики и международных отношений
Национальной академии наук Украины
(Киев, Украина)*

Проблемы становления современных властных структур в республиках Центральной Азии оказались наи- | более сложными среди всех постсоциалистических государств, особенно в сравнении со странами Центральной Европы, где

при всех сложностях формирования новых политических институтов было обеспечено в целом успешное продвижение к западной демократической модели. Даже на европейской части постсоветского геополитического пространства непоследовательное, во многом нестабильное реформирование государственного устройства в России, Украине и Молдове проходило с меньшими трудностями, нежели в Центрально-Азиатском регионе (далее — ЦАР). Причины подобного положения во многом связаны с полицивилизационным характером общественной жизни стран ЦАР, что не могло не сказаться и на общей политической культуре их населения, и на специфике подходов политической элиты к вопросам коренного переустройства государственности.

Среди исходных цивилизационных составляющих такого переустройства определенное (хотя и относительно меньшее значение) имела ориентация на западные демократические ценности, которые прямо не отвергают в большинстве рассматриваемых государств, но их использование на практике имеет сугубо имитационный характер. Сложность вхождения этих ценностей в массовое национальное политическое самосознание связана с вторичностью их интерпретации — через более «европеизированные» сравнительно с традиционной местной культурой элементы многолетнего привития советского образа жизни. Особое значение в этом вопросе могла бы сыграть советская система образования, однако результативность ее воздействия на «европеизацию» существенно снижалась значительным преобладанием в регионе сельского населения, для которого возможность ознакомиться с основами западной культуры сравнительно с городскими школами была резко ограничена. С начала 1990-х годов определенное влияние на «вестернизацию» мировосприятия части населения оказывает более широкое ознакомление интеллигенции с зарубежным опытом технологического и экономического развития¹.

¹ На подобный процесс применительно к советской технической интеллигенции еще в 1960-х

Весьма своеобразными являлись предпосылки современного политического развития в Центральной Азии, заложенные советским наследием. Если присмотреться более внимательно, то можно сделать вывод, что многие проявления советской политической системы весьма близки к традиционной культуре народов данного региона. Это относится, в частности, к государственному патернализму, использованию в политической жизни авторитета старейшин (ранее и лидеров республиканских компартий), вытекающей из этого формализации участия электората в выборах, существованию кардинальных различий между формой и сущностью органов власти и т.д. По нашему мнению, до середины 1970-х годов в этих элементах политической культуры доминировали исключительно «советские» черты с настойчивым (хотя и не достигшим решающих результатов) противопоставлением и вытеснением тех традиционных подходов к общественным отношениям, которые определялись как националистические и противоречащие духу «дружбы народов». Однако в период брежневского «застоя» и особенно горбачевской «перестройки», при сохранении прежних интернационалистских лозунгов постепенно и вне желания Кремля в республиках региона повышается роль именно традиционной культуры общественных отношений. Она тщательно мимикрирует под существующие формы партийно-советского устройства «развитого социализма» и постепенно существенным образом перерождает их природу в сторону традиционной, в том числе клановой вертикали власти. Характерным примером в этом отношении была ситуация в Казахстане, где в годы брежневского «застоя» первый секретарь ЦК Компартии республики Д.А. Кунаев, по советским традициям обладавший в ней наибольшей властью, принадлежал к старшему жузу; председатель Совета министров был представителем среднего, а председатель Президиума Верховного Совета —

годах обратил внимание П. Уиллис (см.: *Willis P. Political Economy of Communism*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1962. P. 329).

младшего жуза, то есть уже тогда все высшие должности были распределены по клановому принципу².

Особое значение для последующих политических преобразований в Центральной Азии имели не уничтоженные, но серьезно ослабленные во времена СССР элементы мусульманской цивилизации. Она, как и другие мировые религиозно-цивилизационные феномены, за многовековой период своего проникновения в страны региона адаптировалась к реальным условиям жизни их населения и тем самым стала весомой составной частью его традиционного мировосприятия, в том числе относительно политических приоритетов, а также механизма их реализации. Хотя степень вхождения исламских ценностей в общественную жизнь центральноазиатских стран была различной (от весьма высокой для оседлого населения Узбекистана и земледельческих районов других государств до гораздо меньшей значимости для кочевого уклада Казахстана, Кыргызстана и Туркменистана), основные ориентиры поведения *homo politicus* в системе создаваемых после провозглашения суверенитета политических отношений совпадают в своих важнейших чертах. Как подчеркивают многие исследователи, например С. Хантингтон, для мусульманского общества характерен приоритет коллективизма над «западным» индивидуализмом³, повышенная значимость влияния на поведение человека принадлежности к определенной родоплеменной общности⁴. Все это стало составной частью ментальности населения и оказывает прямое воздействие на особенности участия граждан в политической жизни даже в менее исламизированных странах региона.

Исходные полицивилизационные элементы массового мировосприятия населения (в том числе пришедшей к власти эли-

ты) не только осложнили государственное строительство, но и в ходе его реализации привели к возникновению ряда трудноразрешимых дилемм, до настоящего времени оказывающих негативное воздействие на общественную жизнь всего рассматриваемого региона, хотя и в разной степени.

Наиболее комплексный характер имеет дилемма необходимости выбора между западными ценностями, применительно к абсолюту которых мощные субъекты геополитики (прежде всего США; члены НАТО и ЕС) оценивают ситуацию в общественной жизни стран ЦАР, и конгломератом воздействия на политические преобразования наследства советских, а также возродившегося и набирающего силу симбиоза традиционно ментальных и мусульманских ценностных установок. Руководители рассматриваемых государств — в различном соотношении, определяемом конкретными внутренними и внешними условиями каждой страны, — стремятся дозированно (и с неординарным результатом) использовать всю совокупность этих факторов воздействия на политические процессы в интересах выживаемости своего режима. Правда, здесь есть одно исключение — отсутствие такого использования в Туркменистане с его навязанной С. Ниязовым крайней степенью автократии.

В то же время необходимо констатировать, что за прошедшие 15 лет в ЦАР нет примера тому, что определена оптимальная степень такого дозирования, а указанные факторы, как это будет показано ниже, работают на становление политических институтов не только не совместно, но зачастую и во взаимном противопоставлении. В целом вся неустоявшаяся совокупность указанных факторов не превратилась в их органическое единство, способное однонаправленно влиять на политическую жизнь стран региона. Это заставляет рассматривать каждый из этих факторов в качестве специфического феномена, который взаимодействует с другими подобными факторами формирования политического организма центральноазиатских стран лишь отдельными своими гранями.

² См.: Амрекулов Н. Жузы в социально-политической жизни Казахстана // Центральная Азия и Кавказ, 2000, № 3 (9). С. 136.

³ См.: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. С. 100. (Перевод с английского издания *Samuel P. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996.)

⁴ Там же. С. 270.

Влияние «западных» ценностей

В отличие от весьма частых отсылок правящей элиты к традиционно-ментальным аспектам жизни общества, западные мотивы в ее обращении к местному населению крайне редки или вообще отсутствуют. Конечно, в конституциях стран ЦАР зафиксированы постулаты демократии и гражданского общества, однако их претворение в жизнь изолировано от интеграции в общую систему политических преобразований и имеет мало общего с западными эталонными образцами. Вместе с тем даже формальное включение в Основной закон таких категорий позволяет руководству сослаться в своих контактах с Западом на наличие демократических институтов, уверять партнеров в постепенном прогрессе их становления, не подвергаясь тем самым полному исключению из числа цивилизованных режимов. По большому счету, с геополитической точки зрения обе стороны соблюдают своеобразный «секрет Полишинеля». Лидеры республик региона уверяют западных партнеров в своей искренней приверженности к демократической форме правления при «объективных трудностях» ее достижения в период становления государственности в своеобразных условиях своих стран. С другой стороны, государства развитой демократии, исходя из приоритета обеспечения в ЦАР стабильности, в принципе смиряются с такой аргументацией, и лишь время от времени упрекают тех или иных лидеров по поводу нарушения прав человека, имитации свободного волеизъявления электората и других отклонений от норм функционирования демократического общества.

В этом отношении характерны обстоятельства визита президента Узбекистана И. Каримова в США в 2002 году, во время которого была подписана Декларация об основах стратегического сотрудничества и взаимодействия между двумя странами, развившая сформулированную через месяц после терактов 11 сентября 2001 года идею особого партнерства Ташкента и Вашингтона. Наивно полагать, что американские представители всерьез восприняли уверения узбекской стороны о намерении «более интенсивно проводить демократические преобразования в обществе», что было зафиксировано в коммюнике по итогам визита. Поддержка этого тезиса была в основном рассчитана на сохранение геополитических позиций Белого дома в данном регионе.

Невыполнение И. Каримовым принятых во время визита обещаний вызвало весьма вялую негативную реакцию Соединенных Штатов, выразившуюся в основном в некотором сокращении финансовой помощи Узбекистану в 2003-м и последующих годах. Несколько более резкой была реакция Запада (прежде всего ОБСЕ) на сохранение недемократических методов проведения парламентских выборов (2004 г.), что, кстати, И. Каримов по собственной инициативе обещал коренным образом изменить во время упомянутого выше визита в США. И только его отказ допустить иностранных наблюдателей для расследования трагических событий в Андижане, имевших место в мае 2005 года, вызвало более жесткую и, главное, более широкую «по составу» реакцию со стороны ОБСЕ, ЕС, США и других демократических международных организаций и государств.

Вообще применительно к избирательной системе и деятельности парламентов стран ЦАР наиболее наглядно проявляется имитационный характер «приверженности их режимов к демократическим ценностям». Об этом свидетельствуют чрезвычайно высокие (80—90%) показатели голосовавших за долговременных лидеров этих стран на их пере-выборах в 1990-м и 2000-м в Узбекистане, в 1999-м и 2005-м — в Казахстане, в 1999-м — в Таджикистане. (При совсем уже «советском» уровне в 99,5% на безальтернативных выборах президента Туркменистана С. Ниязова в 1999 г.) Но даже сохраняя видимость конкуренции между несколькими кандидатами, реальных претендентов систематически устра-

няли от участия в избирательной кампании. Это коснулось, например, таких кандидатов на пост президента Казахстана, как бывший премьер-министр страны А. Кажегельдин или бывший спикер Маджлиса Ж. Туякбай.

Имитация многопартийности характерна и для парламентских выборов, что отрицает понятие «законодательной власти» в ее западном понимании. По итогам первого десятилетия существования суверенных стран ЦАР немецкие исследователи этой проблемы констатировали, что при подобной имитации «парламент превратился в продолженные руки президента и не исполняет самостоятельной функции как законодательная власть»⁵. В принципе мало что изменилось и в последние пять лет, хотя внешне наличие оппозиции в парламентах большинства государств региона выдается за некое свидетельство усиления демократической «вестернизации».

Расширение допуска к участию в выборах партий и объединений разной ориентации не столько даже обусловлено давлением Запада, сколько является результатом ряда изменений во внутренней обстановке этих государств. Прежде всего вследствие упрочения своего личного влияния в последние годы у лидеров данных стран уменьшилась боязнь оппозиции, чему также способствовало продление сроков полномочий президентов Казахстана (1999 г.), Узбекистана (2002 г.) и Таджикистана (2003 г.) с прежних пяти лет до семи с перспективой дальнейшего избрания на несколько вновь установленных сроков пребывания на этом посту. (А в Туркменистане С. Ниязов в 1999 г. вообще был провозглашен пожизненным президентом.) Переход по примеру государств развитой демократии к двухпалатной парламентской системе в реалиях лишь усилил возможности президентской администрации манипулировать деятельностью высших законодательных органов в своих интересах: именно этим объясняется предложение кыргызской оппозиции (перед «тюльпановой революцией») перейти к однопалатному парламенту. Дальнейшее упрочение стабильности экономической и политической ситуации в Казахстане и определенная стабилизация политических процессов в Таджикистане дополнительно ослабили опасения правящей элиты по поводу возможности оппозиции поколебать позиции руководящих кланов этих двух государств.

Ослаблению роли парламентов способствовало и то, что при решении важнейших вопросов политической жизни (в том числе о продлении сроков и расширении полномочий президента) использовали механизм национальных референдумов. Этому же способствовала практика создания в ряде стран «параллельных» парламенту и фактически внеконституционных политических структур — Ассамблеи народов Казахстана в 1995 году или Народного совета (Халк Маслахаты) в Туркменистане (в 2003-м). Если учесть, что в парламентах всех стран ЦАР преобладают проправительственные структуры, а наиболее резко противостоящие правящим кланам силы (например, такие партии, как «Бирлик» и «Эрк» в Узбекистане, Демократическая и Социал-демократическая — в Таджикистане) под разными предлогами отстранены от участия в выборах, то оппозиция в высших законодательных органах носит сугубо представительский характер, а ее наличие лишь декоративно придает режиму более демократическую форму.

Это особенно важно для Казахстана, который в связи с желанием председательствовать в ОБСЕ в 2009 году, находится под особо пристальным контролем со стороны западных партнеров, хотя и в других странах региона существование лояльной оппозиции позволяет улучшить их имидж в оценках мировой общественности. Фактически же такие оппозиционные партии, как «Ак жол» в Казахстане, Компартия и Партия исламского возрождения Таджикистана в силу немногочисленного представительства в парламенте не могут существенно повлиять на политическую жизнь этих стран.

⁵ Internationale Politik, 2001, No. 10. P. 66.

Сохраняя некоторые внешние признаки «вестернизации», правящие режимы вместе с тем с большой настороженностью относятся к возможности реального усиления ее влияния на общественные процессы. Во многом это связано с тем, что финансовые средства, выделяемые на развитие демократии по государственным линиям Западом, особенно неправительственными фондами, в значительной мере расходовали на поддержку организаций, которые не только находятся в «лояльной оппозиции», но и наиболее резко противостоят существующей власти. «Деньги АМР США распределялись через американские неправительственные группы, которые сотрудничали с местными группами, по большей части политически нейтральными, но некоторые из них были открыто оппозиционными по отношению к существующим режимам», — указывает американский эксперт по проблемам ЦАР М.Б. Олкотт⁶. Бывший президент Кыргызстана А. Акаев прямо (хотя и без особых доказательств) обвинил зарубежные фонды в подготовке своего свержения, на что при оценке деятельности политических западных спонсоров не могли не обратить внимания и лидеры других стран региона. Что же касается Туркменистана, то эти средства выделяют преимущественно группам зарубежных противников Туркменбаши.

Вообще сам факт устранения от власти наиболее «прозападного» в ЦАР президента А. Акаева не мог не усилить у руководства других стран региона «антивестерные» настроения. От реформ начала 1990-х годов по проектам МВФ (кстати, весьма неудачным) до попыток активизировать политическое и экономическое сотрудничество с США, ЕС, Всемирным банком и другими международными структурами накануне изменения политического режима Кыргызстан, несмотря на его участие в СНГ и в возглавляемом Россией ЕврАзЭС, за рубежом рассматривали в качестве государства, которое наиболее склонно к внедрению демократии по западному образцу⁷. То, что в критический момент ни США, ни другие гранды геополитики не поддержали режим А. Акаева, еще раз убедило всех лидеров республик ЦАР в непрочности партнерских отношений с ними в силу определенной «второстепенности» региона в геостратегических установках Запада.

При всей противоречивости восприятия в странах ЦАР западных ценностей, сводить их применение только к уступкам внешнему воздействию неправомерно. Необходимо учитывать, что с их привнесением Н. Назарбаев, И. Каримов, Э. Рахмонов (в свое время и А. Акаев) имели дополнительную возможность создать политическую и идеологическую базу для ограничения влияния своих противников, выступающих под узкотрадиционалистски ориентированными и религиозно-экстремистскими лозунгами. Кроме того, определенные элементы «вестернизации» позволили им привлечь на свою сторону наиболее образованную часть автохтонного, а также русскоязычного населения.

Дилемма, связанная со склонностью правящих сил государств региона использовать в той или иной степени элементы западной политической культуры и традиционные ментальные ценности большинства их жителей, представляет собой (наряду с критическим состоянием социально-экономической ситуации практически во всех странах ЦАР) одну из предпосылок возможной дестабилизации положения в рассматриваемых республиках. Пожалуй, наиболее рациональное решение данной проблемы (при всех отличиях от эталонов Запада) найдено на сегодняшний день администрацией Н. Назарбаева. В этом контексте весьма примечателен вывод ведущего украинского исследователя проблем государств ЦАР Р.Н. Джангужина: «Казахстан являет сегодня особый феномен

⁶ Олкотт М.Б. Второй шанс Центральной Азии. Московский центр Карнеги. Москва — Вашингтон. 2005. С. 166. (Перевод с издания: *Olcott M.B. Central Asia's Second Chance. Carnegie Endowment for International Peace. Washington, DC. 2005.*)

⁷ «В Кыргызстане демократизация опередила развитие социальной сферы и экономики», — с этой оценкой причин «тюльпановой революции», данной бывшим президентом А. Акаевым, в общем можно согласиться (см. его интервью газете «Московский Комсомолец» от 27 июля 2005 года).

транзитной страны, которая форсированно приобщается к западным моделям государственного, политико-правового и социально-экономического развития»⁸. В Узбекистане и Таджикистане формирование национальной модели разрешения этой дилеммы практически отложено, что, естественно, касается и «посттюльпанного» Кыргызстана. Отрицание же даже первичных элементов «вестернизации» в Туркменистане никак не означает возникновения такой дилеммы в будущем.

Советское наследие

При всем дистанцировании от наследия политической культуры советского периода, оно продолжает (хотя и во все меньшей степени) оказывать влияние на общественные процессы в странах региона. Можно выделить несколько основных направлений сохранения такого воздействия.

Прежде всего это касается мировосприятия воспитанных прежней системой кадров, особенно их «верхнего» эшелона. Кроме Э. Рахмонова, все президенты стран региона, включая свергнутого А. Акаева, пришли к власти с должности первых лиц бывших союзных республик и могли формировать государственные структуры (особенно в первые годы после провозглашения независимости) исключительно за счет наиболее опытных на тот период кадров, прошедших советскую школу административной деятельности. За 15 лет кадровый состав существенно изменился (в том числе путем устранения наиболее способных конкурентов), однако традиции прежнего администрирования не могли исчезнуть полностью.

По чисто советским образцам правящая элита этих республик сохраняет убеждение в наибольшей эффективности управления процессами экономической и политической жизни «сверху», построения вертикали власти путем назначения на должности. Во всех странах региона формирование правительств — прерогатива исключительно президентов, а парламенты или полностью отстранены от этого процесса, или принимают в нем участие лишь формально. Результатом такой практики является частая смена верхушки исполнительной власти: прежде всего премьер-министров и руководителей силовых структур, усиление которых начинает представлять угрозу для высшего руководства. То же относится и к более низким ступеням административной лестницы — только в Казахстане некоторых чиновников избирают на альтернативной основе (с 2001 г.).

Необходимо отметить, что убежденность элиты в правильности такой модели управления общественными процессами во многом связана с сохранением у населения советской надежды, ставшей традицией, на государственный патернализм, а также с неразвитостью гражданского самосознания, пассивностью при выборе путей важнейших политических преобразований (о чем свидетельствуют указанные выше сверхвысокие показатели поддержки электоратом кандидатов от правящих кругов).

Сохранение в политической жизни советских элементов связано также с последствиями преобразования «общенародной, социалистической собственности», ставшего основой экономического могущества экономических кланов во всех рассматриваемых государствах. Взаимоотношение политической власти и экономического могущества в странах ЦАР не является таким однозначным, как во многих других регионах мира, вследствие особо высокой степени зависимости бизнеса от прямого влияния административных структур. Уже сама эта повышенная зависимость, которая, по оценкам зарубежных

⁸ Джангужин Р.Н. Новые независимые государства Центральной Азии в системе современных международных отношений. Киев: Институт мировой экономики и международных отношений, 2005. С. 321—322.

экспертов, наиболее велика в Туркменистане и Узбекистане (здесь имеет место практически полностью административно-зависимая собственность), заставляет бизнесменов по-советски подчиняться действиям властей. Тем более что сам процесс приватизации проходил на грани законности, и это позволяет в любой момент предъявить новым владельцам бывшей государственной собственности соответствующие претензии. Властные структуры имеют и рычаги воздействия на попытки «нового» бизнеса вступить в конфронтацию с ними. Например, нажим на предпринимателей — участников формировавшегося с конца 2002 года оппозиционного движения «Демократический выбор Казахстана» — привел к прекращению функционирования этой организации.

Советское наследие особенно четко проявляется в сфере внешней политики. Все рассматриваемые страны сохраняют свое членство в постсоветской межгосударственной организации (Содружестве Независимых Государств), хотя Туркменистан и Узбекистан неоднократно весьма критично оценивали результаты деятельности СНГ, а также доминирование в нем интересов России. Вместе с тем сохранение своего присутствия на постсоветском геополитическом пространстве позволяет указанным странам обеспечить определенные тактические выгоды в их отношениях с такими внешними претендентами на влияние в регионе, как США, Евросоз, Турция и Иран. С другой стороны, принадлежность к этому пространству стала предпосылкой получения двумя странами-участницами ЕврАзЭС ряда преимуществ от сотрудничества с Россией, прежде всего экономических — для Казахстана или стабилизирующих внутреннюю обстановку — для Таджикистана. Свои приоритеты изменил и Узбекистан, руководство которого ныне предпочло ориентацию на ЕврАзЭС вместо бывшего ГУУАМ. Присутствие же в СНГ стало основой для сегодняшней активизации связей Туркменистана с Россией.

В заключение необходимо отметить, что советское наследие, в отличие от других факторов влияния на политические процессы в государствах ЦАР, не может превратиться в отдельную дилемму их дальнейшего развития. Это связано с тем, что даже физически уменьшается число персональных наследников прежних традиций — бывших советских кадров в административных органах, участников тех национальных компартий, которые хотя и представлены в ряде парламентов, однако стремительно теряют свои позиции во всех странах. Становление же в них новой политической и экономической структуры объективно ведет к полному вытеснению рассмотренных выше советских элементов из общественной жизни при постепенно слабеющем сохранении признаков принадлежности большинства стран ЦАР к государствам современного, еще постсоветского типа.

Роль возрождаемых традиционных ценностей

Национальная самоидентификация с обращением к историческим традициям — объективное явление для всех новых государств, что наглядно проявилось после 1960-х годов в странах Африки и Азии. Еще в начале 1990-х годов Френсис Фукуяма говорил о «пробуждающихся» сейчас нациях в советской Средней Азии», отмечая, что их представители «роются в библиотеках, чтобы «переоткрыть» исторические языки и культуры, которые для многих из них являются совершенно новыми»⁹.

Как и в других регионах, становление национального самосознания в ЦАР сопровождалось возрождением ранее латентно сохранявшихся национализма и традициона-

⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2004. С. 406. (Перевод с издания: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*, 1992.)

лизма. Детальный анализ такой сложной проблемы, как национализм (в том числе его конструктивных и агрессивных сторон), выходит за рамки данной статьи. Тем не менее нельзя не указать на то, что это явление оказало свое влияние и на процессы формирования в рассматриваемых странах новой власти. Рост ксенофобии, причем не столько на официальном, сколько на бытовом уровне, обусловил появление многомиллионной армии русскоязычных беженцев из всех государств региона. А политика, проводимая местными властями, привела к вытеснению с начала 1990-х годов местных русских практически со всех руководящих должностей (особенно в Туркменистане и Узбекистане), в результате чего освободившиеся места были заняты национальными кадрами, зачастую не имевшими необходимого опыта работы и пришедшими в администрацию благодаря своим родственно-клановым связям. Непропорционально малым (даже с учетом эмиграционного оттока) является и представительство в законодательных органах государств региона оставшейся русской общины и нетитульных наций.

Несколько иное положение отмечается в Казахстане, где русские и представители других народов являются акимами ряда северных областей (в том числе немец А. Браун в Акмолинской области). Они же были членами ряда правительств, вплоть до поста премьер-министра (Терещенко в первой половине 1990-х годов), а в Мажилисе имеют не менее 25% депутатских мест. В полном соответствии с принципом политкорректности были внесены изменения в текст Конституции 1995 года, в которой подчеркнут тезис о «народе Казахстана», — в отличие от прежней формулировки Основного закона 1993 года, сводившейся к тому, что Казахстан является только «родным домом казахского народа». Все же за прошедшие годы и из Казахстана эмигрировало около 2 млн человек, что свидетельствует о более сложной ситуации в сфере национальных отношений, нежели это стремятся представить власти страны.

Еще большее значение для государственного строительства в республиках региона имеет официально проводимый курс на возрождение и укрепление традиционализма. Вместе с крахом СССР ушла в небытие и идеологема о «советском народе как новой исторической общности людей», помимо прочего предполагавшая отрицание или замалчивание всех исторических фактов, не соответствующих идеологическим установкам. После образования новых независимых государств возник идеологический вакуум. Его необходимо было заполнить обоснованием исторической миссии государствообразующей нации каждой страны, чему наиболее полно отвечало обращение к традициям ее прежнего развития — еще до периода принадлежности к Российской империи и Советскому Союзу. Руководство всех стран ЦАР обратилось к истории как к важному источнику стимулирования самоидентификации коренного населения и одновременно для мотивации своих претензий на руководство новообразованным государством.

Естественно, вряд ли целесообразно ставить в один ряд официальные оценки прежней роли титульных наций большинства суверенных стран ЦАР в истории этого региона и «туркменоцентрическую» концепцию векового развития всего евроазиатского континента в «Рухнаме» Туркменбаши. Обращение к историческим корням в других рассматриваемых государствах носит более взвешенный характер, хотя и в них не обошлось без определенной избирательности в трактовке тех или иных событий и деятельности наиболее выдающихся личностей эпохи средневековья. Это касается, в частности, страновых и общих различий в оценке роли чингисидов и вообще последствий монгольских завоеваний — амира Тимура и других национальных, а также региональных лидеров прежних времен. В Узбекистане справедливо подчеркивается более высокий уровень его средневековой цивилизации сравнительно с Россией и Западной Европой. По мнению некоторых западных исследователей (например, М. Олкотт), государственная символика Казахстана ассоциируется со временем Тюркского каганата. В Кыргызстане и Таджикистане также проводят существенные исторические исследования этногенеза и процессов

формирования наций на их современной территории, изучают становление их языка и культуры. Как и у всех стран, добившихся независимости (от США до бывших колоний в Африке и Азии), эти усилия в сфере исторического дискурса способствуют укреплению идей государственности, торможению процессов «размывания» национальной идентичности.

Вместе с тем обращение к истории идеологически поддерживает традиционалистскую составляющую формирующейся политической системы стран ЦАР с ее специфическими отличиями от канонов западной цивилизации. Это касается прежде всего абсолютно не воспринимаемого в государствах Запада приоритета родственно-кланового принципа формирования административных органов: от «центра» до самых нижних звеньев. С одной стороны, на основе такого принципа была обеспечена жестко централизованная система руководства страной, что способствовало стабилизации политической и экономической жизни рассматриваемых государств. Однако, с другой стороны, этот же принцип является важным источником коррупции всей вертикали административных органов, замены демократии всевластием бесконтрольных чиновников, связанных круговой порукой вследствие их принадлежности к определенному клану.

Не менее важную особенность политической культуры этих стран подчеркнула М. Олкотт: «Номенклатура состоит в основном из этнических казахов, воспитанных в культурной атмосфере, *главный принцип которой — уважение к старшим*»¹⁰ (выделено нами. — В.Б.). Это высказывание в еще большей степени можно отнести к Узбекистану и к другим государствам ЦАР. Авторитет старейшин действительно представляет собой одну из характерных черт ментальности всех народов ЦАР, выгодно отличающую их от совершенно иного — безразличного или даже враждебного отношения молодежи к старшему поколению на Западе. Именно такая уважительность к носителям традиций позволила и в советские времена сохранить те основы национальной культуры, которые еще смогли остаться в узбекских «махалля» и сельской местности других рассматриваемых стран. Но вместе с тем нельзя не видеть и иные последствия этого специфического для ЦАР (как и для всех мусульманских государств) явления. Оно не может обойтись без элементов консерватизма, что отрицательно сказывается на восприятии и тех положительных новшеств (в том числе в сфере производства и бизнеса), которыми так богат прогресс современного мира. Кроме того, понятие «уважение к старшим» касается не только возрастных дефиниций; оно относится и к людям, занимающим более высокое общественное положение. Тем самым рассматриваемое явление отрицательно влияет на политическую активность населения, которое, например, на выборах ориентируется на мнение руководящих кадров. Да и сама стабильность клановой административной вертикали власти в значительной степени связана с тем же принципом преклонения перед авторитетом начальства. Традиционализмом можно объяснить и пассивность в противодействии насаждаемому в странах ЦАР культу личности современных лидеров, и, как следствие, господству их семейного клана не только в политике, но и в экономике, не говоря уже о крайнем авторитаризме режима С. Ниязова с его абсолютным подчинением главе государства всех сторон жизни туркменского общества. Доминирующее влияние «руководящих семейств» в полной мере проявляется и во всех других странах региона. Так, представители семейства Н. Назарбаева владеют основной частью медиаресурсов и многих хозяйственных объектов Казахстана; дочь президента республики Дарига — как руководитель партии «Асар» — вошла в число наиболее активных политических деятелей страны. Пользуясь родственными связями, бывший зять И. Каримова — этнический узбек и гражданин США Мансур Максуди — установил контроль над такими сферами узбекской экономики, как торговля хлопком, нефтепродуктами и сахаром, а после

¹⁰ Олкотт М. Указ. соч. С. 181.

развода был обвинен прокуратурой в утаивании доходов, отмывании денег и хищении чужого имущества¹¹. Корыстолюбивый С. Ниязов не согласился с предложением уменьшить ему отчисления от поставок газа до 20% его цены на внешнем рынке, а полученные им лично многомиллиардные доходы от экспорта использует для строительства в Туркменистане эксклюзивных объектов или же переводит их в лондонский банк, которым управляет его зять А. Соколов¹².

В условиях, когда семейные кланы высших должностных лиц государства не стесняются наживаться на экономике всей страны, они вряд ли могут противодействовать систематическому незаконному обогащению чиновников различного уровня за счет населения. Практически во всех исследованиях социально-экономической ситуации в республиках региона отмечается высочайший уровень коррупции, несопоставимый даже со степенью ее развития в России и в других постсоветских государствах. При крайне низком уровне доходов их перераспределение в пользу чиновничества ведет к катастрофическому обострению социальных противоречий в обществе и, как следствие, даже при высокой политической пассивности населения чревато серьезной дестабилизацией ситуации в странах ЦАР (как это уже случилось в Кыргызстане). К тому же имманентное для клановой системы вытеснение из политической и экономической жизни представителей других, не приближенных к руководству государства родовых или хозяйственных группировок неизбежно порождает их сопротивление, способное полностью нарушить устойчивость политической системы страны.

Однако указанные выше отрицательные явления в общественно-политической жизни государств региона никоим образом нельзя считать порождением вековых ценностей их народов — традиционализм в данном случае лишь эксплуатируется правящими кругами этих стран в собственных интересах. Объективная дилемма (в ее значимости для будущей судьбы каждого государства региона) находится в иной плоскости — необходимости ограничить присущие ей элементы консерватизма и нахождения форм и методов адаптации к сотрудничеству с партнерами, для которых характерен более высокий, постиндустриальный и информационный уровень развития. Современная же дилемма стран ЦАР носит другой, сугубо субъективный характер: будет ли традиционализм, как в настоящее время, использовать исключительно узкий круг политической элиты или в этих государствах найдутся силы, способные на базе традиционных ценностей обеспечить стабильность в интересах всего общества, направить его позитивные стороны на обеспечение (как это происходит, например в современной Индии) прогресса в экономической, социальной и инновационно-технологической сферах?

Исламский фактор современной ситуации

После террористических актов 2001 года в США резко усилилась разработка проблем места и роли ислама в современном мире. В частности, большое количество публикаций посвящено исследованию значения мусульманского фактора в политической и идеологической жизни республик ЦАР¹³. В связи с наличием такой обширной литературы по

¹¹ См.: Бай Е. Бывший зять Ислама Каримова может поссорить США и Узбекистан // Известия, 24 декабря 2003.

¹² См.: Падишах XXI века // Корреспондент, 2005, № 49. С. 61.

¹³ Кроме уже цитированных книг Р. Джангузина и М. Олкотт см. также монографии: Олкотт М. Казахстан: непройденный путь. М.: Гендальф, 2003; Джангузин Р. Казахстан постсоветский. Киев: ИМЭМО,

этой теме в данной статье будут рассмотрены лишь некоторые важнейшие аспекты отношений между исламом и государственной властью в странах региона.

Прежде всего обращает на себя внимание обозначившийся на грани 1980—1990-х годов воистину взрывной характер усиления позиций ислама в этом регионе, что объясняется рядом причин. Советский атеистический режим с особой строгостью контролировал отправление обрядов мусульманской религии, представители которой практически не имели связей с единоверцами за границей и могли использовать весьма ограниченное число культовых сооружений. Естественно, после распада СССР количество мечетей, медресе и других религиозных объектов возросло в десятки и сотни раз. Появилась возможность получить духовное образование как в самих странах ЦАР (в том числе в созданных совместно с саудовскими, кувейтскими и другими исламскими спонсорами религиозных учебных заведениях), так и в исламских университетских центрах Египта, ОАЭ, Турции и т.д., что позволило заменить малообразованных «народных мулл» более подготовленными священнослужителями.

Важнейшее значение для усиления позиций ислама в регионе имел тот фактор, что руководство ни одной из его стран не смогло найти весомой национальной замены отвергнутой советской идеологии. В возникшем идеологическом вакууме только ислам смог предоставить населению комплекс постулатов системного характера, которые за многовековую историю максимально адаптировались к национальным традициям.

Необходимо подчеркнуть, что такое возрождение мусульманства не было с радостью встречено руководящими кругами стран региона, которые в лучшем случае занимают по отношению к нему лишь терпимую позицию. Об этом свидетельствует подчеркнута светский характер всех государств ЦАР, что зафиксировано в их конституциях, разработанных и принятых под прямым контролем властных органов. В регионе существует только одна официально признанная исламская партия — Партия исламского возрождения Таджикистана. Ее сохранение было зафиксировано договором о национальном примирении 1997 года, однако по мере упрочения режима президента Э. Рахмонова она под давлением с его стороны все больше утрачивает свои позиции, и это несмотря на подчеркнутую ее лояльность существующей власти.

Официально религиозная деятельность не может быть предметом вмешательства государства, однако на практике властные структуры всех стран региона стремятся надежно ее контролировать. Наиболее жестко такой контроль (как и над всеми проявлениями общественной жизни) осуществляется в Туркменистане, где в 2004 году был даже арестован муфтий Насрулла ибн Ибадулла, выступивший против пропаганды в мечетях творения Туркменбаши «Рухнама». В Узбекистане строго регулируют строительство новых культовых сооружений, а деятельность муфтия контролирует Комитет по делам религий. Духовные управления мусульман Казахстана и Кыргызстана по своим полномочиям (утверждение мулл и имамов, определение каноничности проводимых ими служб и т.д.) также являются объектом пристального внимания административных органов. При этом следует отметить совпадение во многом интересов государственного и духовного руководства в борьбе против неофициальных сект и движений, значительный ряд которых («Хизб ут-Тахрир», Исламская партия Восточного Туркестана и другие) используют религиозные догматы как идейную базу в своей антиправительственной деятельности.

В настоящее время потенциальная степень опасности для власти таких движений существенно отличается в разных странах ЦАР. Географически они имеют наиболее

2004; Luong P. Institutional Change and Political Continuity in Post — Soviet Central Asia. Cambridge University Press, 2002, а также статьи В. Бушкова, Э. Фридмана и М. Уолтона, Ч. Чотаева и других авторов в журнале «Центральная Азия и Кавказ», в «Central Eurasian Studies Review» и т.д.

мощные позиции в Ферганской долине, к которой, применительно к Казахстану и Кыргызстану, относятся лишь южные области. Кроме того, в этих двух государствах удельный вес численности мусульман значительно ниже, чем в других странах региона. (В Казахстане же, по данным организации «Фридом хаус», вообще наблюдается практическое равенство между мусульманами и православными¹⁴.) Наиболее сложной представляется ситуация с противостоянием исламского экстремизма и власти в Узбекистане с его особо сильными мусульманскими традициями и практически полным преобладанием в населении сторонников ислама. Поэтому не только в Фергане, но и на всей территории страны экстремисты «религиозной окраски» могут рассчитывать на массовую поддержку, в том числе многих местных чиновников. Весьма своеобразная картина наблюдается и в современном Таджикистане: наследием ужасов гражданской войны стало отрицательное отношение народных масс ко всякого рода противникам стабильности, что существенно ослабило позиции исламских антиправительственных сил.

В целом же проблема естественной инкорпорации мусульманства в нынешнюю модель государственного устройства стран региона выглядит весьма сложной. Во многом это объясняется тем, что ислам, как, в частности, отмечается в западных цивилизационных разработках, — «негосударственная» религия, приоритетом которой выступает принадлежность человека к мусульманской цивилизации в целом, а не к отдельному государству¹⁵. В принципе неприемлема даже для лояльного, но ортодоксального ислама и двойственная (с одной стороны, западная, с другой — традиционалистская) основа нынешней политики государственного строительства в большинстве стран ЦАР.

Нельзя не отметить и избирательную прагматичность использования исламских ценностных постулатов современными руководителями этих государств. Например, власти Узбекистана обосновывают мусульманскими традициями государственную монополию на землю и внешнеэкономическую деятельность¹⁶, хотя в реалиях эта монополия выступает как средство получения дополнительных доходов местными чиновниками (при распределении земельных наделов) или высшей администрацией (присвоение выручки от экспорта или импорта).

Если и не лучшим, то по крайней мере наиболее приемлемым для обеих сторон вариантом могло бы стать не прямое вмешательство в религиозные дела в интересах правящей власти, а всемерная государственная поддержка (правительственная помощь национальному религиозному образованию, создание сети подчиненных духовным управлениям мусульман культовых объектов и т.д.) того «лояльного» ислама, который также испытывает давление со стороны экстремистских течений.

Проблемы наследия власти современных лидеров

Если исключить Кыргызстан, где проблема смены главы государства была (хотя и временно) все же решена революционным путем, и Таджикистан с его относительно молодым лидером Э. Рахмоновым, то для трех других стран ЦАР вопрос о наследовании власти приобрел не только личностное, но и важнейшее политическое значение. Нужно и в подборе преемника быть таким гениальным импровизатором, как первый президент

¹⁴ См.: Фридман Э., Уолтон М. Страны Центральной Азии: Освещение проблем религии независимыми информационными сайтами Интернета // Центральная Азия и Кавказ, 2006, № 1 (43). С. 121.

¹⁵ См.: Хантингтон С. Указ. соч. С. 270.

¹⁶ См.: Узбекистан: десять лет по пути формирования рыночной экономики. Ташкент: Узбекистон, 2001. С. 24, 339.

России Б. Ельцин, или же длительное время тщательно готовить передачу власти, как это в свое время сделал в Азербайджане Г. Алиев, чтобы уход с политической арены не ознаменовался серьезными потрясениями в жизни страны. Для Казахстана, Узбекистана и Туркменистана будущая смена верховного руководителя может означать не только замену личности, даже устранение ныне господствующего клана, но и кардинальное преобразование сложившейся модели государственного устройства каждой страны.

Хотя, как это отмечалось выше, все три президента законодательно обеспечили себе пролонгацию сроков своего пребывания у власти, но подобный шаг лишь оттягивает решение проблемы наследования (на весьма неопределенный срок) в связи с чисто естественными возрастными причинами. Тем не менее ни в одной из этих стран до настоящего времени нет четкой линии выбора приемлемого продолжателя дела современного лидера государства, что уже сегодня обостряет борьбу между претендентами на высший пост со всеми вытекающими из этого негативными последствиями для внутренней политической стабильности и противодействия влиянию внешних сил (все это в меньшей степени относится к Туркменистану, где возможность какого-либо постороннего воздействия полностью отсечена диктаторским режимом С. Ниязова)¹⁷.

Наибольшая неопределенность в данном вопросе наблюдается в Узбекистане, где в семейном клане нет достаточно авторитетных фигур, а в окружении президента слишком много лиц, приблизительно равных по своей политической значимости. Среди претендентов на наследование в последние годы называли враждующих между собой «силовики»: министра внутренних дел Закира Алматова и руководителя Службы национальной безопасности Рустама Иноятова, а также премьер-министра страны Шафката Мирзияева, вице-премьеров Элера Ганиева и Рустама Азимова, главу МИД Садыка Сафаева и др. В Казахстане же, наоборот, наиболее вероятен именно «семейный» вариант прихода преемника нынешнего президента. В числе претендентов выделяется своей активностью его дочь Дарига; фигурируют ее супруг Рахат Алиев и второй зять — Тимур Кулибаев.

Отсутствие в обеих странах единственного преемника, которому открыто и последовательно покровительствует нынешний глава государства, не только не позволяет четко предсказать конкретного кандидата на пост президента, но и ведет к обострению внутри правящей элиты борьбы, которая может продолжаться длительный период и включать множество конъюнктурно изменчивых сценариев развития событий.

Вариативность прихода к власти преемника И. Каримова во многом зависит от изменения соотношения сил между нынешними региональными кланами: представителями Самарканда (ныне наиболее близких к президенту), Ташкента и Ферганы. Не исключен и специфический для Узбекистана вариант обращения одного из них за поддержкой к религиозным деятелям, что приведет к усилению роли исламского фактора в жизни страны. При, казалось бы, однозначном, «семейном» выборе такого преемника в Казахстане реальная ситуация в республике выглядит несколько иначе — многие эксперты предсказывают «осложнение» позиций Н. Назарбаева на очередных президентских выборах 2011 года, а также отмечают гораздо более низкий (сравнительно с прогнозами) процент голосов, поданных за возглавляемую Д. Назарбаевой партией «Асар» на последних выборах в парламент РК.

Для этой страны специфическим фактором, способным особо повлиять на расстановку сил перед сменой лидера, является финансово-экономическая мощь каждого конкурирующего клана и каждой из тех олигархических группировок, которые пока еще вы-

¹⁷ Детальный анализ соотношения отдельных противоборствующих сил при выборе преемников нынешних глав этих стран проведен Р.Н. Джангузиным в уже цитированной книге «Новые независимые государства Центральной Азии в системе современных международных отношений». Киев: ИМЭМО, 2005.

бирают наиболее приемлемый для себя вариант воздействия на будущий расклад политических сил. В этом плане большое значение имеет позиция так называемых «евразийцев» (владельцев крупнейших предприятий тяжелой индустрии республики), в силу принадлежности к нетитульным нациям не подверженных влиянию отдельных жузов, то есть более свободных в выборе политических ориентиров. Нельзя исключить и вмешательство в подготовку смены президентской власти в обеих странах (особенно в Казахстане) внешних сил, прежде всего России и США, а также (хотя, вероятно, с меньшим успехом) членов Организации экономического сотрудничества мусульманских стран — Турции, Пакистана и Ирана. Последние уже в середине 1990-х годов пытались активизировать свое присутствие в регионе.

Очевидно, что не менее сложные проблемы в отношении преемственности власти в недалеком будущем испытают также Кыргызстан и Таджикистан. Что же касается Туркменистана, то, как показывает мировой опыт, после ухода со сцены всех диктаторов неизбежно наступает полный крах навязанной ими модели политического устройства государства.

Вообще трагедия лидеров всех стран с неразвитой демократией заключается в том, что они еще при жизни вынуждены думать о своих преемниках: от подобного выбора зависят судьбы их близких после неизбежного ухода «власть предержащего» в небытие, а это для семей бывших «первых» зачастую заканчивается весьма печально. Трагедия же отдельных граждан таких государств состоит в том, что они бессильны повлиять на те политические изменения в своих странах, которые воздействуют на будущее каждого из них и общества в целом. К сожалению, подобное развитие событий является наиболее вероятным вариантом перспектив республик ЦАР, по крайней мере на обозримый период.

З а к л ю ч е н и е

В интервью китайским СМИ, данном перед саммитом Шанхайской организации сотрудничества (июнь 2006), президент Узбекистана И. Каримов подчеркнул намерение «решительно противиться внешним попыткам навязать нашим странам западные методы демократизации и общественного развития». Это утверждение, которое могут открыто или без широкого афиширования поддержать и другие лидеры государств региона, вызывает двойственную реакцию. С одной стороны, оно отражает ту реальность, что США, а также такие международные организации, как ЕС, ОБСЕ и многие другие, усиленно стремятся внедрить в страны ЦАР расцениваемую ими в качестве эталона модель общественного устройства, не учитывая при этом весь комплекс существующих в этих республиках политических, идеологических и экономических особенностей, тем самым рискуя вызвать резкое противодействие такой модели, навязываемой извне (как это уже случилось в Кыргызстане). Но, с другой стороны, в высказывании И. Каримова, если судить по проводимой им ныне политике, содержится призыв к «консервации» всех отрицательных моментов, характерных для общественной жизни в Узбекистане, а также в большей или меньшей степени и в других странах региона.

Очевидно, что определение наиболее рационального варианта дальнейшего развития рассматриваемых государств не может сводиться к выбору между ускоренной «вестернизацией» или указанной выше «консервацией» существующего положения: оба пути явно обречены на провал. Лишь последовательная демократизация с учетом и при использовании всех положительных сторон ментальности и политической культуры населения способна вывести страны ЦАР на более высокий, стабильный и динамичный уровень общественного развития. От возможности как западных, так и местных лидеров по-

нять и поддержать необходимость такого оптимального сочетания общечеловеческих и специфических для ЦАР условий будет зависеть дальнейшая судьба народов данного региона, которые заслуживают достойного места в мировом сообществе.
